

Протасова С.С.

Санкт-Петербургский государственный университет

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ «НАЦИЯ» ВО ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и причины формирования национального самосознания и нациестроительства во Франции. Автор обращается к феномену французской нации как к явлению, раскрывшемуся и получившему мощнейший толчок развития во время Великой Французской революции (1786 год).

Ключевые слова: нация, национальное самосознание, Великая Французская революция.

Keywords: nation, national identity, French Revolution.

Понятие «нация» имеет великое множество трактовок и определений. О времени и процессе формирования «наций» спорят десятилетиями и веками.

У древних римлян *Natio* – имя богини рождения и происхождения. Описание какой-либо людской группы с помощью понятия «нации» находится в одном синонимическом ряду с *gens* и *populus* и применяется к тем народностям, которые еще не организованы в качестве политических союзов. Названные понятия противопоставляются *civitas*. В таком контексте нации могут определяться как родовые сообщества, интегрированные географически (через поселение и соседство) и культурно (благодаря общности языка, обычаев и традиции), но еще не обладающие государственной организацией, претендующей на их политическое объединение. В таком значении «нация» сохраняется на всем протяжении средневековья и через латынь попадает в европейские национальные языки. В Новое время возникает конкурирующее словоупотребление: нация как носитель суверенитета, как «народ государства». При этом возможность понимания нации как родового сообщества никуда не исчезает, а продолжает сосуществовать с этой новой трактовкой [2, с. 6].

Многими современными учеными нации рассматриваются как продукт исторического развития и социально-экономической деятельности индивидов. Согласно этому подходу, нации появляются только в определенный период исторического времени и только в результате взаимодействия целой группы факторов. С этого момента нации действительно становятся обязательным условием общественного существования человека. Более того, возможны процессы «национального формирования», или «национального строительства», где ведущая роль принадлежит национализму, понимаемому как целенаправленное взаимодействие политико-идеологических сил [2, с. 6 – 8].

Говоря о французской нации, трудно не вспомнить об одном из ярчайших идеологов французского нациестроительства – о философе Эрнесте Ренане. Он считал, что «Нация – это великая солидарность, созданная чувством самопожертвования, того, что уже имело место в прошлом, и того, что предназначено для будущего. Нация предполагает наличие прошлого; но в настоящем она поддерживает и продолжает свое существование за счет очевидного фактора, а именно: за счет взаимного согласия и ясно выраженного стремления совместно продолжить свою будущую жизнь. Существование нации – это плебисцит каждый день, точно так же, как существование человека есть постоянное утверждение жизни» [4].

Ренан прежде всего стремился подчеркнуть не расовый и не племенной характер нации. Для него более значимы определенные волюнтаристские аспекты, господство политических реалий и наследие «общей истории». Исходя из этого, Ренан представлял

нацию как социальное и онтологическое творение, которое основывается на опыте совместного существования, а также имеет историческую «общую память» (как и селективное общее «беспамятство») и сильно выраженную волю к продолжению существования в рамках именно этого сообщества [2, с. 8 – 9].

Во многом для французского самосознания эта «общая память» связана с событиями революции 1789 года. В годы Великой Французской революции нация впервые была интерпретирована как сообщество людей, подчиняющееся общим законам. Французская нация в этих событиях прочно связана с явлением «третьего сословия», которое, выразив свою волю, сокрушило старую власть, утвердив новый порядок. Это утверждение стало знаменательным. Если до того в период Нового времени в Европе господствовало государство, основанное на монархии, ее аппарате управления и сословно-династическом принципе, то новый, послереволюционный порядок, утвердил принцип главенства «нации». При этом государство как таковое не отрицалось, но меняло свою сущность: появлялось национальное государство, нация-государство. Современный французский толковый словарь определяет государство как «организованную нацию, управляемую правительством» [1, с. 74].

Истоки революции и развития постреволюционного французского самосознания коренятся не только в политике и идеологии, но и в социально-экономическом развитии. Экономическое положение предреволюционной Франции было противоречивым и сложным. Франция являла собой одну из самых передовых стран, однако в ней нарастали социально-экономические противоречия. Активно развивалась промышленность, менялась структура экономики, а с развитием промышленности сильно возросло значение городов, увеличилось их население [3, с. 15 – 21]. Сложившаяся система распределения благ входила в конфликт с развитием городского населения, «буржуазии», широких слоев «народа», представители которых все чаще претендовали на богатства и положение бурбоновской аристократии. Вкупе с конфликтами, рождающимися в результате столкновения существовавших политических порядков с оформившимся самосознанием этих крупных групп городского населения, «буржуазии», эти противоречия выстраивали базу для революционных событий. Во многом, в базе революции лежали конфликты социально-экономического развития Франции.

Когда революция победила, то родила миф о себе. Это неизбежная и важнейшая часть подобных преобразований. При этом миф – не значит «неправда». Скорее, миф – это легенда, нарратив самообъяснения, в котором правда, факты и домыслы тесно переплелись в единую историю.

Согласно этому мифу, во-первых, Старый порядок был отсталым, тормозившим социально-экономическое развитие французского общества; во-вторых, он был несправедливым, нарушавшим права большинства народа, ядром которого и была «нация». Двигателем революции, скинувшим бремя «старого режима» и утвердившим принципы свободы, равенства и братства, выступает «третье сословие». Миф революции и роль третьего сословия лежат в основе развития французской нации.

Третье сословие и в целом «нация» выработали свою систему восприятия и интерпретации революционных событий. Старый порядок, основанный на сословном неравенстве и принципе подданства, был низвергнут и заменен принципами равенства и гражданства. Интересно обосновал революцию аббат Сийес, заявивший на рубеже 1788-1789 гг. следующее: «[...] Третьему сословию нечего бояться идти вглубь веков. Оно найдет себя во времена еще дозавоевательные и, имея сегодня достаточно сил, чтобы дать отпор, окажет ныне куда более мощное сопротивление. Почему не низвергнет оно в леса Франконии все эти семейства, лелеющие безумную претензию на происхождение от расы завоевателей и на их права? Очистившаяся таким образом нация вполне будет вправе, как я полагаю, называть среди своих предков лишь галлов и римлян» [5, с. 12]. Во-первых, такое

видение декларирует, что права дворян на нацию фиктивны, а во-вторых, эта позиция объявляет, что, будь эти права даже и законны, Третьему сословию стоит лишь восстановить общественный договор, предшествовавший завоеванию Галлии германцами, а еще проще — стереть из памяти все века насильственного владычества. В обоих случаях нация мифологически удревляется, и речь идет о возвращении нации ее якобы истинного происхождения [5]. Надо сказать, что «удревление» вполне естественно для мифа самообъяснения.

Революция отделяет «старый порядок» от «нового». Это разделение держится на жестких антиномиях: старый порядок держался властью короля и привилегированного дворянства, а Революция есть совокупное деяние нации. Старая Франция была королевством подданных, новая стала нацией граждан. Старое общество основывалось на привилегиях, Революция приносит равенство. Так создалась идеология радикального разрыва с прошлым, мощный культурный динамизм равенства.

Нация есть новое общество, созданное революцией. Это общество, построенное на справедливости и интересе. Кроме того, легитимность политических действий, порожденная революцией, обосновывается ссылкой на нацию, которая во имя свободы и равенства должна сломить сопротивление своих врагов [2, с. 12]. Причем индивид и общество оказались в нем вовлеченными в сферу национальной политики. Личное и коллективное слилось в национальном. Выгода нации – личная выгода ее члена (и наоборот).

Революция и нация объяснили и легитимировали себя, во-первых, справедливостью, во-вторых, современностью (старый строй архаичен и антипрогрессивен), в-третьих, интересом: большинству народа, нации, выгодно свержение старого нобилитета, старой власти, которая черпала свою выгоду вопреки интересам этого большинства. Это весьма важный мотив французского национального строительства.

Таким образом, конституционные акты Французской революции, в особенности провозглашение единой и неделимой республики во Франции и принципа национального суверенитета, вкупе со стремительным социально-экономическим развитием страны и изменениями в структуре ее населения, явились основой формирования французского национального самосознания и нациестроительства.

Литература

1. Ачкасов В. А. Этнополитология: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та., 2005. – 336 с.
2. Козлов Д. В. Нации и национализм: возможности теоретического осмысления: учеб. пособие / Д. В. Козлов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 102 с.
3. Манфред А. З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. – 432 с.
4. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. – С.87–101.
5. Фюре Ф. Постигание Французской Революции/ Пер. с фр. Д.В. Соловьева. - СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.